

**"ПРАВО ЗНАТЬ: история, теория, практика"
N 9–10 (45–46) сентябрь-октябрь 2000 г.**

ПРИКАЗ О "ПРОСЛУШКЕ" ОТМЕНЕН. НАДОЛГО ЛИ?

Министр по связи и информатизации Леонид Рейман решил ввести в России чрезвычайное положение.

Верховный суд воспротивился. Что дальше?

25 июля нынешнего года министр по связи и информатизации Леонид Рейман подписал приказ N 130 "О порядке внедрения системы технических средств по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий на сетях телефонной, подвижной и беспроводной связи и персонального радиовызова общего пользования". Этим приказом Минсвязи фактически узаконило бесконтрольное прослушивание всех телефонов, факсов и пейджеров российскими спецслужбами. Согласно этому документу, зарегистрированному в Минюсте 9 августа, все операторы телефонной и пейджинговой связи должны установить у себя и сдать в эксплуатацию сотрудникам ФСБ оборудование для прослушивания телефонов своих абонентов. В свою очередь, в помещениях спецслужб уже установлены так называемые пульта управления, с которых можно прослушать любого. В приказе N 130, в частности, сказано, что информация об абонентах и о решениях, на основании которых производится прослушивание, оператору связи не предоставляется. Таким образом, круг замыкается: спецслужбы получают возможность "не выходя из дома" бесконтрольно прослушивать всех абонентов – ведь отчета с них спросить не у кого. Теоретически контроль за оперативно-розыскными действиями осуществляет прокуратура, но прокуратуру также никто не информирует о "прослушке", ставшей "внутренним делом" спецслужб. Помимо ФСБ бесконтрольно прослушивать абонентов может налоговая полиция. Этот приказ стал венцом многолетних усилий силовых ведомств по созданию для себя возможностей бесконтрольного подслушивания граждан.

Разумеется, общественность противостоит этим попыткам. Уже более двух лет идет публичная дискуссия о СОПМ, в ходе которой высказано множество замечаний, которые, по мнению Максима Отставнова, можно свести к четырем пунктам.

1. Технические средства специфицированы таким образом, что поощряют бесконтрольный доступ к защищаемым Конституцией и законом данным (содержимому корреспонденции и служебной информации о корреспонденции) и затрудняют какой бы то ни было внешний аудит, проводимый ОРМ. Налицо узурпация Исполнителем функций Суда. Спецификация технических средств также заставляет предположить, что, кроме несанкционированного доступа, у оператора системы будет техническая возможность проводить агентурные провокации.
2. Внедрение СОПМ в таком порядке, по сути дела, лишает оператора связи технической возможности исполнения норм закона, возлагающего на него обязанность соблюдения тайны связи его абонентов. По сути дела, допустив внедрение СОПМ на своей сети или своих каналах, оператор лишится контроля над собственной сетью и откроет широкий канал НСД к своим данным и данным своих абонентов.
3. Порядок проведения ОРМ исключает присутствие независимых от субъекта ОРД участников мероприятия, что делает бессмысленным любую попытку использования системы в декларируемых (правоохранительных) целях: поскольку законный порядок ограничения права на тайну связи не соблюден, доказательной силы захваченная в ходе ОРМ информация иметь не будет.
4. Порядок финансирования внедрения СОПМ существенно противоречит нормам

законодательства, согласно которым финансирование ОРД должно осуществляться из бюджетных средств. Помимо того, что такой порядок возлагает на оператора (и, косвенным образом, на его клиентов) дополнительные издержки (что, по сути, означает введение "скрытого налога" или поборов в пользу ФСБ), он приведет к формированию своеобразного "черного бюджета" ФСБ, не находящегося под контролем Законодателя. Опять налицо узурпация Исполнителем функций на этот раз Законодателя (утверждение бюджета и контроль за его исполнением).

Недавно дискуссия обрела новое дыхание. Вот как это происходило.

Действие первое

Чиновники Лубянки и Минсвязи РФ легализуют правовой беспредел

Так называлась публикация Олега Султанова в "Новой газете" (28.08.2000), в которой сообщалось о том, что 25 июля нынешнего года министр по связи и информатизации Леонид Рейман подписал приказ N 130 "О порядке внедрения системы технических средств по обеспечению оперативно–розыскных мероприятий на сетях телефонной, подвижной и беспроводной связи и персонального радиовызова общего пользования". Во вводной части этого документа главный связист страны напомнил своим подчиненным о необходимости четкого выполнения федеральных Законов "Об органах ФСБ в РФ" и "Об оперативно–розыскной деятельности".

Столь странная для указания гражданского чиновника преамбула поначалу вызывала недоумение, но дальнейший текст приказа все расставлял по своим местам: предприятиям телефонной связи, центрам коммутации любых форм собственности и ведомственной принадлежности министр связи предписывал устанавливать технические средства прослушки и съема информации. То есть операторам связи, как следует из пункта 2.1 этого приказа, вменено в обязанность приобретать и устанавливать необходимое для оперативной деятельности ФСБ и других спецслужб оборудование – за свой счет.

Другим пунктом шедевра своего нормотворчества министр засекретил работы по внедрению на сетях связи прослушивающего оборудования, обязал связистов "принимать согласованные с ФСБ России меры к недопущению раскрытия организационных и технических приемов проведения оперативно–розыскных мероприятий". А чтобы, не дай Бог, у работников Минсвязи не возникло желания самим послушать, о чем калякают между собой враги России, Леонид Рейман сурово напоминал: "...Учитывать, что... мероприятия, связанные с прослушиванием и снятием информации с каналов связи, проводятся... силами и средствами ФСБ или МВД...".

Министр почему–то обидел сыскарей из налоговой полиции, работников внешней разведки, управления охраны, службы безопасности президента. Кто там еще вправе вторгнуться в нашу личную жизнь?

Приказ N 130 фактически перечеркивал утвержденное 28 марта 2000 года правительством РФ "Положение о Министерстве РФ по связи и информации", в котором четко перечисляются задачи этого ведомства. Среди них нет и намек на вышеуказанное "сотрудничество" с секретными службами.

Вся эта государственная аморальщина абсолютно не стыкуется с Конституцией России. То, что нас прослушивали ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, АФБ, МБ, ФСК и ныне ФСБ, – общеизвестно. Но столь наглое возведение в закон прямого ограничения свободы происходит впервые. Приказ Реймана весьма смахивал на постановление о чрезвычайном положении. Но "переключить" страну на новый режим деятельности – вне рамок права и законности – могут лишь парламент и президент. Ни Рейман, ни его

"друзья" в ФСБ не имеют никакого права отменить или приостановить основные конституционные права и свободы граждан, силой приказа навязывать трудовым коллективам режим секретности, расширять круг их "гособязанностей". То есть была предпринята попытка прямой легализации спецслужбами России беспрепятственного установления негласной цензуры, легализации прослушивания телефонных разговоров. Все это можно обозначить как усиление административно–полицейских репрессий, активизацию секретных служб, выходец из которых возглавляет ныне Россию.

Так кто же – спрашивал журналист – дал "добро" на централизованное полицейское принуждение, получившее благодаря "инициативному" министру Рейману "законную" основу? Кто следующий из высокопоставленных чиновников российского правительства начнет так же активно готовить свои отрасли к действиям в условиях чрезвычайного положения?

Кремлевских бонз почему–то абсолютно не волнует, что именно сейчас, когда идет кровопролитная война в Чечне, создаются в нашей стране нормы, оправдывающие военно–полицейскую диктатуру. А это страшно. Добавим к печальной картине и происходящее ныне расширение деятельности спецслужб, чреватое не только усилением политических репрессий, но и обострением международных отношений.

Там, где ложь, возможен лишь один "вид" демократии – чрезвычайная. Приказ N 130 свидетельствует, что мы к ней двигаемся семимильными шагами...

P.S.

Один из ветеранов советского КГБ, десятки лет прослуживший в абсолютно законспирированном техуправлении, человек, который лично "оснащал" зарубежные посольства в Москве прослушивающей техникой, так прокомментировал приказ N 130: "...Россию превращают в единый электронный концлагерь!".

Действие второе

Кто "за", кто "против"?

Во втором действии, как и положено в таких случаях, разгорелась дискуссия. Вот как она представлена в материале корреспондента журнала "Компьютерра" Максима Отставнова.

Анонимный посетитель форума любезно предоставил нам ссылку (<http://www.fsb.ru/smi/article/kabanov.html>) на перепечатку статьи Сергея Алексеевича Кабанова "СОПМ в мифах и в сетях связи" (журнал "Документальная электросвязь" N 3, 2000 г.). В выступлении Кабанова можно найти попытки оправдать действия ФСБ и Минсвязи. Причем попытки крайне неубедительные, как я постараюсь показать ниже.

Кабанов:

Анализ возможности осуществления таких ОРМ на СДЭС в соответствии с требованиями существующих законов Российской Федерации показал, что их проведение возможно только путем установки дополнительного оборудования на узлах связи этих сетей.

Автор не указывает, кем и как проводился такой "анализ". Его утверждение не соответствует действительности в том смысле, что возможность проведения ОРМ на типовом и массовом оборудовании провайдера Internet согласно требованиям Закона неоднократно демонстрировалась. В частности, волгоградский провайдер БСК

(оперирующий типичным для провайдера Internet набором оборудования) продемонстрировал техническую возможность проведения ОРМ в рамках закона без установки дополнительного оборудования, что зафиксировано в акте регионального органа Минсвязи.

Чего не позволяет штатное оборудование, так это проводить НСД с нарушением закона (без предъявления судебного решения, обязательного, согласно Конституции, для ограничения права на тайну связи), и внедрение "дополнительного оборудования" (т.н. "аппаратных закладок") нужно именно для возможности систематически и в массовом порядке нарушать закон и скрывать эти нарушения. Дальнейшая история с БСК демонстрирует это самым убедительным образом.

Кабанов:

К сожалению, несмотря на разъяснения, проведенные Центром общественных связей (ЦОС) ФСБ России на конференциях АДЭ и в СМИ, желание эксплуатировать отжившие уже стереотипы о "кознях" ФСБ у некоторых граждан и ряда СМИ остается.

Хотелось бы еще раз заметить, что дискуссия о "СОРМ" ведется уже более двух лет, в ней принимают участие сотни, если не тысячи, человек, и она освещалась несколькими десятками российских и зарубежных СМИ, в том числе, такими влиятельными и авторитетными изданиями, как "Новые известия", "Столица", "Итоги", "Новая газета", "Московские Новости" (Россия), Guardian, The Independent (Великобритания), U.S. News & World Report (США), Frankfurter Rundschau (Германия). Содержание большинства этих публикаций никак нельзя назвать "эксплуатацией отживших свое стереотипов", напротив, многие из них содержат весьма глубокий анализ возможных мотивов инициаторов СОРМ, угроз, которые ее внедрение несет гражданским правам и свободам (а также интересам лиц и организаций) и возможных последствий ее внедрения. В то же время только одно крупное издание – "АиФ" – ограничилось изложением точки зрения ФСБ без комментариев.

Основной вывод, к которому можно прийти – это то, что СОРМ, вопреки декларируемым целям, внедряется ФСБ не как инструмент законной правоохранительной (в том числе ОР) деятельности, а как средство, приспособленное к массовому политическому сыску и экономическому шпионажу против своего народа, т.е. преступной деятельности.

Хотя широкое обсуждение проблем СОРМ и позволило сформировать общественное мнение по отношению к проблеме защиты тайны связи, в плане практических действий она остается, по большей части, бесплодной. Мне представляется, что основная причина этого – именно в позиции ФСБ (и Минсвязи), которая ограничивается "разъяснениями" (пропагандой, если называть вещи своими именами) своего ЦОС и никак не реагирует по существу на высказываемую в свой адрес критику.

В то же время, "козни ФСБ" (или, по крайней мере, представителей Службы) – отнюдь не беспочвенный стереотип, а, к сожалению, факт нашей жизни. Есть масса свидетельств о нарушении тайны связи сотрудниками ФСБ. некоторые из них доказаны или представлены в суде ("дело Никитина", "дело Пасько" и др.). Нет никаких данных о том, что руководство Службы деятельно стремится пресечь такие злоупотребления, и отношение к ним в лучшем случае можно назвать попустительством, если не прямым поощрением.

Кабанов:

Так, с поразительной настойчивостью продолжается распространение мифа о том,

что принятые ОТТ по СОРМ позволяют ФСБ проводить ОРМ на СДЭС без судебного решения. Технология данного мифа заключается в умышленной подмене определения СОРМ, данного в ОТТ как комплекса технических средств, на ошибочное определение как системы мероприятий.

Давайте от обсуждения "технологии мифа" плавно перейдем к обсуждению "технологии разоблачения". Для начала раскроем одну из аббревиатур. Получается "умышленн[ая] подмен[а] определения [системы оперативно–розыскных мероприятий] [...] на ошибочное определение [ее] как системы мероприятий". Действительно, умышленная подмена, ничего не скажешь.

Кабанов:

То есть осуждается то, что в ОТТ отсутствует. Система оперативно–розыскных мероприятий – это комплекс мер, в который входит и СОРМ, и получение судебного решения, и т.д. СОРМ всего лишь рабочий инструмент.

Логика железная. Представьте Кабанова судьей Потсдамского трибунала. Ему предъявляют многочисленные свидетельства освобождавших германию солдат, которые находили в концлагерях специально оборудованные газовые камеры и печи для массового убийства заключенных, несгоревшие останки людей и кучи пепла. А Кабанов им на это: "Ну, это же всего–навсего рабочий инструмент, входящий в комплекс мер... Что вы так волнуетесь?".

(Примечание. В Германии существует ряд организаций, стремящихся опротестовать выводы Потсдама и, в том числе, убедить общественность, что концентрационные лагеря были своего рода санаториями для временно интернированных лиц, а печи там стояли так, для обогрева в зимнее время. У некоторых из этих организаций есть филиалы в России и других странах–союзницах по антифашистской коалиции. Я был несколько лет назад инкогнито на собрании, проводимом одним из таких филиалов, и видел там восторженных адептов "санаторно–лагерной" теории со значками ветеранов ГБ.)

Кабанов:

Еще один миф. Контроль законности проведения ОРМ – это прерогатива оператора связи и поэтому ему необходимо предъявлять судебное решение, иначе, не зная кого, и на каком основании проверяет оперативное подразделение органа, осуществляющего оперативно–розыскную деятельность, он будет нарушать ст. 32 Закона "О связи".

Кабанов не называет источника своего второго "мифа". Контроль за законностью ОРД – прерогатива тех органов, на которые возложен этот контроль. Обязательность же предъявления судебного решения (так же, как привлечения понятых из числа сотрудников) – это не "миф", а часть порядка, определенного Законом для наложения ареста и выемки корреспонденции (Ст. 174 УПК) – единственного законного и позволяющего получить имеющие юридическую силу доказательства мероприятия по ограничению права на тайну связи. Целью введения этой нормы является именно возможность осуществления контроля законности органами и должностными лицами, на которых возложена такая обязанность, а проведение каких–либо мероприятий без свидетелей означало бы практическую невозможность такого контроля.

К сожалению, действующий УПК РСФСР говорит прямо о таком порядке только в отношении "почтово–телеграфной корреспонденции" и не определяет прямо порядок аналогичных мероприятий на сетях телефонной связи и, тем более, Internet и других цифровых телекоммуникаций.

Однако Конституция гарантирует защиту тайны связи вне зависимости от технической специфики средств связи, и нет никаких причин отклоняться от порядка, установленного для взаимодействия с операторами одних технологий (почтовой и телеграфной связи) при взаимодействии с операторами других технологий (телефонной связи, коммутации каналов или пакетов цифровых телекоммуникаций).

Агенты и адвокаты ФСБ часто ссылаются на то, что—де УПК регламентирует только ведение следствия и судебные процедуры и про них—де не писан, а ОРМ относится—де к сфере ОРД и регламентируется—де только ФЗ "Об ОРД". Такие отговорки следует признать плодом их специфического юридического воображения, поскольку ОРМ, согласно законодательству, — часть дознания (Ст. 118 УПК), регламентируемого Главой 9 УПК. Это же справедливо и вообще в отношении предположений, что при отправлении полномочий, передаваемых субъектам ОРД ФЗ "Об ОРД", их сотрудники могут действовать в обход УПК (или других применимых федеральных законов).

Кабанов:

Кроме того, Закон "Об ОРД" определяет (ст. 12), что "сведения об используемых или использованных при проведении негласных ОРМ силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах ОРД, а также об организации и о тактике проведения ОРМ составляют государственную тайну".

"Железный" аргумент. Пользуясь им, например, можно отстаивать возможность проведения обыска без понятых, ссылаясь на то, что тайна предварительного следствия также защищена законом (Ст. 139 УПК).

Кабанов:

Иными словами, оператору связи запрещается проводить какие—либо ОРМ.

Интересно, откуда Кабанову пришла в голову мысль о "проведении ОРМ оператором связи"? Закон предписывает при аресте и выемке корреспонденции привлечение сотрудников оператора в качестве понятых, т.е. участников мероприятия, а не его субъектов. Это вполне подобно тому, что я, не являясь сотрудником правоохранительных органов, не имею права "проводить" следственные действия, тем не менее, меня могут привлечь в качестве их участника (понятого), например, при проведении обыска у соседа.

Кабанов:

Утверждение, что СОПМ на СДЭС обеспечивает органам ФСБ проведение ОРМ с нарушением законодательства, означает недоверие не только ФСБ России и Минсвязи России, согласовавшим ОТТ [...].

Это, на мой взгляд, ключевая фраза статьи. Ее пафос: "Доверяйте нам, мы честные".

Принципы институциональной защиты прав и свобод граждан, однако, требуют от нас не "доверия" либо "недоверия" отдельным органам или их представителям, а четко построенной системы сдержек и противовесов, обеспечивающей баланс между предоставляемыми тому или иному органу дополнительными полномочиями и средствами контроля за тем, чтобы эти полномочия использовались в целях защиты этих прав и свобод, а не выступали бы инструментом превышения полномочий и злоупотреблений. Важнейший элемент системы сдержек — разделение функций властей, каковой принцип и проведен в Конституции и уголовно—процессуальном законодательстве. Именно реализации этого принципа боится Кабанов (и другие

адвокаты оперативно–розыскного беспредела), и призывает в союзники всех, кого может вспомнить.

Кабанов:

[...] но и сомнение в профессионализме Минюста России, проводшего их юридическую экспертизу, а также в возможности и президента РФ, и Правительства РФ, и Федерального Собрания, и прокуратуры защитить конституционные права граждан.

Непонятно только, почему в списке отсутствует Верховный комиссариат ООН, Международный трибунал по правам человека и начальник местного ЖЭКа. А почему боится? Он и сам этого не скрывает.

Кабанов:

В ряде СМИ появились голословные утверждения, что за документы, свидетельствующие об отсутствии претензий органов ФСБ России к конкретным СДЭС, сотрудники ФСБ берут взятки и торгуют информацией баз данных операторов связи, переданной им для проведения ОРМ.

Какая откровенность, я восхищен. No comments, согласно русской поговорке.

Кабанов:

Впереди у рабочей группы АДЭ по СОПМ обсуждение вопросов порядка внедрения СОПМ на СДЭС, порядка взаимодействия операторов с различными спецслужбами, имеющими право на проведение ОРМ на СДЭС. Мы по–прежнему будем вести это обсуждение открыто, с учетом мнения специалистов [...]

До сих пор разработка документов по СОПМ, порядка внедрения СОПМ и коллаборация провайдеров с ГБ велась исключительно келейно, и только благодаря честности и порядочности отдельных представителей отрасли связи мы оперируем сегодня достаточным объемом информации касательно этих вопросов.

Кабанов:

[...]и не оставляя шансов сочинителям мифов типа "...в наши руки попала информация...".

Я бы обратил внимание публики на то, что четвертый абзац рассматриваемого текста начинается словами: "По имеющейся информации...". Такой пропагандистский прием характерен более для ГБ и ее сателлитов, чем для независимых СМИ. Большинство публикаций, посвященных угрозам СОПМ, напротив, содержат точные ссылки на документы и лиц, т.е. на информацию, которая, так или иначе, попадает нам в руки.

Кабанов:

В заключение хотел бы еще раз отметить, что ОРМ с использованием СОПМ организовано таким образом, что его невозможно провести не только без судебного решения, но и несанкционированно.

То есть нам предлагается не верить глазам своим, глядя на документы по СОПМ.

Итак, очередная пачка вранья, заклинаний и угроз. На этот раз – процитированная без каких–либо комментариев ЦОС ФСБ и могущая рассматриваться как официальная точка зрения. В перепечатке не указываются какие–либо данные об авторе (должность,

область интересов, звание, наконец), а оригинального издания "Документальной электросвязи" у меня под рукой нет.

Но готов поставить традиционный ящик "Гиннеса" против бутылки "Жигулевского", что эта статья – "дурочка", изготовленная по классическому ГБшному рецепту: "свой человек" пишет статью, она публикуется в стороннем издании (возможно, за подписью третьего лица), а потом на нее дается ссылка (или она перепечатывается, как в данном случае) как якобы на независимый источник. До чего устойчивый репертуар в этом цирке...

Действие третье

Кто пойдет в суд?

В августе 2000 года в Интернете появились комментарии к приказу Минсвязи РФ от 25 июля 2000 г. N 130, сформулированные в виде искового заявления в Верховный Суд. Автор этого текста Марина Громова, отметила, что активизм на разных рубриках и страницах "Московского Либертариума" демонстрирует, что в принципе есть мнения, противопоставимые действиям Минсвязи по внедрению СОРМ. Однако нет **ДЕЙСТВИЙ**, противопоставимых действиям Минсвязи: на всю Россию за всю длительную историю не нашлось ни одного человека, кто обратился бы в суд за защитой своих конституционных прав в связи с СОРМ. Автор предложила участникам дискуссии задуматься над обращением в судебные органы, в связи с принятием Минсвязи актов по внедрению СОРМ, например, очередного приказа N 130.

"Совершенно ни к чему, – писала М. Громова, – кивать в сторону провайдеров и обвинять их в "предательстве" своих пользователей, тем более это далеко не так. Конституция закрепляет право на тайну связи за вами, а не за провайдерами. СОРМ нарушает ваши права, а не права провайдеров".

М. Громова предложила примерный образец искового заявления, подчеркнув, что основания обращения в суд, изложенные в этом исковом заявлении, – ее субъективное мнение и далеко не истина в последней инстанции. Вот как выглядело это исковое заявление.

В Верховный Суд Российской Федерации

Истец:

Паспорт _____

Выдан _____

проживающий по адресу: _____

Ответчик: Министерство РФ

по связи и информатизации

Адрес: 103375 г. Москва, ул. Тверская, д. 7

ИСКОВОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

о признании акта Министерства связи РФ незаконным

Всеобщей декларацией прав человека предусмотрено право каждого на тайну связи, никто не может подвергаться произвольному вмешательству,

нарушающему тайну его корреспонденции. Декларацией закрепляется также и право на защиту от такого вмешательства или таких посягательств.

В ст. 23 Конституция РФ закрепляет за каждым гражданином право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (далее – тайна связи). Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

Министерством Российской Федерации по связи и информатизации (далее – Минсвязи) 25 июля 2000 года был издан приказ N 130 "О порядке внедрения системы технических средств по обеспечению оперативно–розыскных мероприятий на сетях телефонной, подвижной и беспроводной связи и персонального радиовызова общего пользования" (далее – Приказ N 130). Приказ N 130 устанавливает правила, обязательные для исполнения неопределенным кругом лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные этим актом, и является нормативным актом Минсвязи.

На сетях телефонной, подвижной и беспроводной связи и персонального радиовызова общего пользования возможно только проведение оперативно–розыскных мероприятий, предусмотренных пунктами 9, 10 и 11 статьи 6 Закона "Об оперативно–розыскной деятельности", то есть тех, которые ограничивают конституционные права граждан, закрепленные статьями 23, 24 Конституции РФ. Таким образом, Приказ N 130 является актом, касающимся конституционных прав граждан.

Приказ N 130 в п. 2.1 возлагает обязанность осуществить приобретение и установку технических средств и оборудования на операторов связи независимо от форм собственности, что противоречит ст. 19 Закона "Об оперативно–розыскной деятельности", где предусматривается финансирование обеспечения деятельности оперативно–розыскных мероприятий исключительно из федерального бюджета. При этом сами требования к техническим средствам (ни параметры, ни количество, ни качество, ни цена) не определены и право на формулирование спецификации оборудования делегировано территориальным органам ФСБ РФ (п. 1.2, 1.4 Приказа N 130 и п. 1 Приложения к нему), что провоцирует произвольное формулирование требований.

Более того, Приказ N 130 возлагает на оператора обязанность заключить контракт на закупку оборудования (п. 2 Приложения к Приказу N 130), что является понуждением к заключению договора и противоречит действующему ГК РФ, а именно принципу свободы договора.

Пункт 2.3 Приказа N 130 противоречит статье 6 Закона "Об оперативно–розыскной деятельности" (абзац 5), которая предусматривает, что использование научных, технических, любых других специальных познаний должностных лиц (в том числе сотрудников операторов связи) возможно только с их согласия. Недопустимо принуждать к содействию граждан России (сотрудников оператора связи) к работе с государственной тайной, используя ведомственный нормативный акт как правовое основание. Также п. 2.3 принят в нарушение существующего порядка допуска к сведениям, касающихся оперативно–розыскной деятельности и относящихся к конфиденциальной информации, определенного Законом "О государственной тайне" и Указом Президента РФ N1203.

Приказ N 130 предусматривает внедрение системы технических средств по обеспечению оперативно–розыскных мероприятий на сетях связи (СОРМ), которая ограничивает конституционные права граждан на тайну связи. Принятие Приказа N 130 противоречит п. 3 ст. 55 Конституции РФ, где предусматривается, что права гражданина могут быть ограничены только федеральным законом, а не нормативным актом Минсвязи. Внедрение систем, подобных СОРМ, допустимо только на основании федерального закона.

Кроме того, в Приказе N 130 заложена не просто техническая возможность ограничения конституционных прав граждан, но и возможность несанкционированного и произвольного их ограничения. Законодательством контрольные функции за проведением оперативно–розыскных мероприятий возложена, в частности, на прокуратуру, однако подобный контроль возбуждается только в том случае, если есть заявление гражданина о нарушении его права на тайну связи. Так, в п. 3 Приказа N 48 Генеральной прокуратуры РФ от 09.08.96 содержится правило о том, что судебное решение и постановление об ограничении права на тайну связи истребуется прокуратурой только по поступившим обращениям граждан. Предотвратить несанкционированный доступ или проконтролировать этот факт во внедряемой Приказом N 130 системе невозможно, и для гражданина также нет возможности узнать о нарушении его права на тайну связи.

Так, п. 2.6 Приказа N 130 устанавливает, что судебные решения не предоставляются операторам связи, и не уточняется, кому такие решения, и в каком случае могут предоставляться. Оперативно–технические средства, установки которых требует оспариваемый приказ, представляют из себя выносные пульта управления, с которых технически возможен несанкционированный перехват информации, и Приказом N 130 не предусматривается никаких защитных механизмов, гарантирующих соблюдение конституционных прав. Считаю, что таким образом ущемляются мои конституционные права на тайну связи.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 15, 23, 24, 55 Конституции РФ, на основании ст. ст. 116, 126 ГПК РСФСР

ПРОШУ:

Признать незаконным Приказ N 130 от 25 июля 2000 года Министерства Российской Федерации по связи и информатизации "О порядке внедрения системы технических средств по обеспечению оперативно–розыскных мероприятий на сетях телефонной, подвижной и беспроводной связи и персонального радиовызова общего пользования".

Приложения:

1. Копия искового заявления.
2. Квитанция об оплате госпошлины в размере 8.35 рублей.
3. Копия Приказа N 130.

Дата

Подпись

После этой публикации вновь появилось множество откликов и высказываний. Некоторые авторы поддерживали М. Грому, другие критиковали ее. Некоторые указывали, что они категорически против СОПМ, но не видят возможности остановить этот беспредел, т.к. у власти КГБ, ФСБ и т.д. Другие писали о том, что сам вопрос поставлен не правильно. Этот приказ – лишь следствие той ошибки, что сделал весь наш российский народ (вернее, что–то около 30%). Нет смысла бороться с этим приказом, как нет смысла бороться со следствием, если причина сохраняется. С болезнью борются, не ликвидируя ее симптомы – лечить нужно то, что их вызывает. Что сейчас говорить о наших с вами конституционных правах, если власть не то что их не чтит – власть их не знает вообще или, что еще хуже – не собирается признавать (вспомните телеобращение Путина перед выборами или – уже после этого – его слова о том, что Конституция – это не священная корова). Граждане, наши с вами права остались в нашем недалеком прошлом...

Действие четвертое

Однако нашелся один человек, петербургский журналист Павел Нетупский, который не стал говорить о несовершенствах нынешнего политического режима, а просто подал иск в Верховный суд. В своем иске Павел Нетупский указал, что, по его мнению, в Санкт–Петербурге прослушивается 10 тысяч телефонов. "Понятно, что стольких решений суда просто не было", – заявил он. И Верховный суд РФ удовлетворил этот иск, признав пункт 2.6 приказа министерства N130 "незаконным и не подлежащим применению". Изначально Павел Нетупский пытался опротестовать все документы Минсвязи, регулирующие "прослушку". Однако в суде истца ждал сюрприз: юристы Минсвязи представили приказ Минсвязи N160, подписанный Леонидом Рейманом 25 сентября и отменяющий все предыдущие документы Минсвязи о прослушивании, которые были приняты до 130–го приказа. Таким образом, истец был вынужден на ходу менять суть искового заявления, опротестовывая только положения 130–го приказа. В итоге Верховный суд признал незаконным положение приказа Минсвязи, по которому "информация об абонентах, в отношении которых проводятся оперативно–розыскные мероприятия, а также решения, на основании которых проводятся указанные мероприятия, операторам связи не предоставляются". Своим решением Верховный суд создал важный прецедент для всех, кто хочет защитить свои права от возможности незаконного прослушивания российскими спецслужбами. Теперь абоненты, подозревающие, что их слушают незаконно, смогут подавать в суд на операторов, не обеспечивающих защиту тайны связи.

Победа в суде стала неожиданной и для самого истца. "Надо дождаться мотивировочной части решения Верховного суда, – заявил он в беседе с корреспондентом "Сегодня". – Если Верховный суд выступил против системы оперативно–розыскных мероприятий, можно продолжать судиться с Минсвязи и признать, что несанкционированное прослушивание незаконно".

Павел Нетупский считает, что, хотя на практике мало что поменяется, многое изменится с юридической точки зрения. Теперь, по его мнению, абоненты операторов связи смогут предъявлять к ним иски с требованием отключить их от "прослушки", тем самым соблюдая тайну связи, защищаемую 32–й статьей закона "О связи", на основании которого работают все операторы.

Однако некоторые журналисты предостерегают от чрезмерной эйфории по поводу решения Верховного суда. В частности, в "Независимой газете" 27 сентября 2000 года появилась статья Татьяны Михайловой "Верховный суд поддержал "прослушку" с подзаголовком "Спецслужбы будут теперь отчитываться перед операторами связи о том, чьи разговоры их интересуют". В статье указывается, что рассмотрение в

Верховном суде РФ приказа главы Минсвязи Леонида Реймана о легализации "прослушки" в интересах правоохранительных органов катастрофой для министерства не обернулось.

Высшая судебная инстанция России посчитала, что подписанный Рейманом приказ расходится с действующим законодательством лишь в одном предложении. Суть его заключалась в том, что при проведении оперативно–розыскных мероприятий спецслужбы могут прослушивать и просматривать практически всех абонентов, не отчитываясь перед операторами связи по поводу находящихся "под колпаком" персоналий. Именно это положение Верховный суд и признал неправомерным. Теперь спецслужбы будут обязаны предоставлять операторам связи информацию о том, кого именно будут "слушать".

Свое решение Верховный суд РФ мотивировал противоречием приказа Реймана Закону "О связи", в соответствии с которым, на операторов связи возлагается ответственность за конфиденциальность переговоров обслуживаемых ими абонентов. В то же время постановление суда ситуацию принципиально не меняет, о чем охотно говорят в Минсвязи. Приказ Реймана остается приказом. Абоненты телефонных сетей по–прежнему не застрахованы от того, что их переговоры не станут достоянием спецслужб. Максимум, на что смогут рассчитывать "разговаривающие", – получение информации о том, что в их разговоре появится кто–то третий. Да и операторы, у которых теперь появился шанс стать невольными свидетелями проведения оперативно–розыскных мероприятий, гарантировать тайну частных бесед по–прежнему не смогут.

В Минсвязи решением Верховного суда, похоже, не слишком разочарованы. Правда, документального обоснования решения высшей судебной инстанции России здесь пока не видели. Ссылаясь на это, в информационно–аналитическом управлении министерства не смогли ответить на вопрос "НГ", каким образом операторы связи будут исполнять обязанности, предписанные им Законом "О связи".

Продолжение следует

Главный вывод из этой ситуации очевиден – своим решением Верховный суд создал важный прецедент для всех, кто хочет защитить свои права. Надо грамотно и умело судиться с теми, кто на эти права посягает. Понятно, что судиться с чиновником чрезвычайно сложно, но, как показал этот процесс, вполне возможно.

Что дальше? Очевидно, ФСБ не смирится с этим решением и после непродолжительного раздумья сделает очередной ход. Хотелось бы, чтобы этот ход был умным и не имел ничего общего с поведением капризного ребенка, который хочет именно "эту машинку". Интернет, как и всякая чрезвычайно эффективная технология, может быть применен в преступных целях. Сомнений в этом нет ни у кого – в том числе, несомненно, и у Павла Нетупского. Поэтому не стоит радоваться, как болельщик, тому голу, который Верховный суд с подачи журналиста забил в ворота ФСБ. Проблема действий спецслужб в виртуальном пространстве реально существует, и решать ее надо как можно быстрее. В этом смысле сотрудничество компетентных органов с компетентными правозащитными организациями принесло бы нам намного больше пользы, чем противостояние – пусть даже цивилизованное, в зале суда.